

Анатолий Агарков

В поисках простых истин

Если вы не поняли человека, вы не имеете права осуждать его, а если поняли, то, вполне возможно, не пожелаете этого делать. (Г. Честертон)

Анатолий Агарков

В поисках простых истин

«Издательские решения»

Агарков А.

В поисках простых истин / А. Агарков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903839-5

О любви, дружбе и смысле жизни. Субъективный взгляд на основные ценности человеческой культуры. Порой мы ищем то, что давно уже имеем.

ISBN 978-5-44-903839-5

© Агарков А.
© Издательские решения

Содержание

Я расскажу тебе за жизнь	6
Дед идет с сумой и бос	6
Божество от вдохновения	16
Когда сам не плох	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

В поисках простых истин

Анатолий Агарков

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-3839-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Если вы не поняли человека, вы не имеете права осуждать его,
а если поняли, то, вполне возможно, не пожелаете этого делать.*

(Г. Честертон)

Я расскажу тебе за жизнь

Дед идет с сумой и бос

*Нищета заводит повесть:
О, мучительный вопрос!
Наша память – наша совесть.
(парафраз И. Анненского)*

Привет, потомок!

Давненько мы с тобою не общались вот так, в форме монолога. Телефон, визави – все как-то не то. Ты всегда полон забот: понятно – кормящий папа и глава семейства, ответственная у тебя работа. Всегда приходится слушать мне, ибо твои заботы куда важнее. А вот теперь послушай ты или вернее почитай, подумай, а родится мысль, то и ответ – порадуешь нечужого старика.

Теперь работаю я в санатории «Урал», душой отдыхая, как никогда прежде, и могу уверенно сказать, что лучшее для жизни место здесь, а время лучшее сейчас, и общество – ну, то, что надо. Не случайно рядом поставил «жизнь» и «работа», потому что нельзя, участвуя в организации процесса оздоровления, не быть сопричастным самому – тот же воздух и та же вода, те же комфорт с ландшафтом.... Так что «работа» – с большой очень натяжкой. А размышлять можно, сколько душе угодно.

О чем?

Помнишь, как-то спросил тебя: «Что ты умеешь делать лучше всего?».

Ты сказал: «Строить» – другого ответа и быть не могло: ты – строитель по образованию, призванию и сути своей.

Для меня проблема была в том, что на этот вопрос в твои годы я отвечал: «Строить коммунизм». И это было искреннее убеждение, а не дань хорошим манерам в духе того времени. Больше скажу – ни вожди, ни идеологи социальной стройки не внушали уважения, но какова тема! История цивилизации, культура и все религии народов мира имеют одну общую задачу – очеловечение человека. Труд его создал, а духовность шлифует, доводя до совершенства.

Лев Толстой как-то сказал: «Именно твоя деревня дает тебе силу Вселенной».

Это к вопросу о гранях человеческой души или с чего начинается Родина. И где заканчивается – ибо круг жизни очерчен для каждого из нас: откуда начал путь свой, туда и вернешься. Но для сознания – из небытия в небытие: материя не исчезает. Лавуазье считал: «Ничто не умирает, ничто не рождается – все трансформируется».

Хотя про душу разное твердят: кто считает – она летит в рай, кто – реинкарнирует. А про смерть так просто – компьютерная перезагрузка....

А для нас, пожилых людей, «последняя черта» не пустой звук. Время подводить итоги, когда каждому свое: невежеству – богатство, мудрости – покой. Наимудрейшие из мудрых полагают: «Старость надо готовить смолоду». Думаю, это о вере. Вера стоит над знанием, потому и называется вера – или веруешь, или нет.

На что материалисты – есть и такие – резонно отвечают: ни одно живое существо на планете, от мартышки до канарейки, не нуждаются в десяти заповедях, прописанных в библии, чтобы знать, как себя вести. Надо лишь следовать законам природы, и тогда мир расцветет в гармонии. Так думают сторонники Дарвина, забывая, что всякая живая тварь повинуется лишь своим инстинктам и следуют заложенной природой в них программе.

С людьми дело обстоит сложнее, ибо люди заимели душу вместе со всеми ее капризами и придурью вселенской.

Вот пример такого человека.

Он говорил: «Я не знаю и знать не желаю, что это за церковь такая, какому богу в ней молятся, когда ее возвели и для чего. Имел я в виду вашу религию! Мой храм – это деревья в лесу, облака в небе, вода в озере. Мои соплеменники – это те, кто мыслит и чувствует так же, как я, а не те, кто связан со мной кровными узами. Впитывать в себя все, что окружает, жить настоящим так просто, что никто и не думает об этом. А зря!»

Это люди гармонии.

Люди науки – они тебе ближе – считают: наш мозг состоит из двух полушарий. Правое полушарие чувствует, левое – объясняет. Правое мыслит образами, левое – знаками. Правое подчинено ощущениям и эмоциям, левое – стратегии и логике. Может, верно, но скучно.

Помнишь, в детстве рассказывал тебе о звездах, как далеких-предалеких солнца? Этому учит наука астрономия. Но наши предки, не знавшие ее, видели в созвездиях картины земного бытия. И знаешь, это не делало их глупее нас, зато насколько жизнь становится богаче с воображением. В языческих верованиях поклонение силам природы было важнее, чем почитание священных книг, ставших прибежищем слабых и всегда нуждающихся в поводырях.

Вот ты отвергаешь веру в Бога и считаешь, что религия не дает ответ на основополагающий вопрос – кто есть человек и ради чего он живет. Но ведь и твой интеллект еще не способен дать определение – что есть духовность? Если позволишь, перефразирую королеву датскую, родившую Гамлета: «Поверни, сын мой, глаза зрачками в свою душу...». Что ты видишь?

Если верить уроженцу Тулузы Верберу Бернару, все вокруг – это только вера. История прошлого, фантазии о будущем... Все всегда начинается с идеи, пришедшей в голову человеку, а Природе потом приходится отдуваться, претворяя ее в жизнь. Это Гомер придумал Одиссея, а Павел, прозванный Святым – Иисуса Христа.

О, сила мысли! Ничего нет, и вдруг простое слияние двух нейронов создает череду идей. Соединение двух нервных клеток порождает концепт – он остается в памяти и находит свою белковую форму. Каждая идея становится материей.

Ты понял мысль? Не Природой создан человек – он сам придумал ее.

Ай да Вербер!

Причем жизнь, организованная Природой по задумкам человека, имеет свойство развиваться по спирали. Отец мой говорил – по кругу: «Жизнь потому топчется на месте, что молодежь повторяет ошибки стариков».

В любом случае, жизнь – вечное повторение. Проблема, с которой мы не справились с первого раза, видоизменившись с поправкой на время, настигает нас вновь. Или наших детей – ибо Проблема обязательно должна быть решена. Если Природа не найдет исполнителя с первого раза, она повторит попытку – поэтому будущее каждого предначертано. То, что не происходит сразу, просто откладывается. То, что должно произойти, произойдет. События назначены и даты указаны в Книге Судеб.

А когда иссякнут силы, человек возвращается на круги своя – на свалку памяти. Среди обломков самого себя становится ослепительно ясно, что не так жил, не тем верил и не тех любил – слушал, но не слышал; смотрел, но не видел; знал, но не понимал. И видимо, за то жизнь обошлась с ним не лучшим образом. Прозрение всегда приходит слишком поздно – это проблема всего человечества. Только в старости, когда тело уже не слушается, приходит понимание, как надо жить, ради чего. Это, так называемый, старческий синдром о напрасно прожитой жизни.

Блажен тот, кто умирает без этих мук. Даже наимудрейший из когда-либо живших Соломон, который создал свое царство, имел сотни жен, воздвиг великолепный храм, в историю вошел легендой, так оценил перед смертью жизнь: «Суета сует, и все – суета».

И приходит в голову страшный вопрос: а вдруг он прав – жить не стоило, и даже начинать. Ведь, такая правда, как граната с выдернутой чекой: с ней надо обращаться весьма осторожно, и передавать ее можно не всем. Не дай Бог – барабум случится!

Но люди живут, не смотря ни на что, и начинают новые жизни, и сортируются испытаниями на победителей и побежденных. Победители на виду – они купаются в роскоши и славе; единственное, что их пугает – безносая с косой. Проигравшие ничего не имеют и покорно ждут дней последних донце по принципу: «Все минуты жизни рванят, и лишь последняя убивает».

Все циклично. Все фрактально.

Люди рождаются с плачем, растут с надеждой, а умирают с хрипом и сожалением, что не так жили или успели мало. Очередной парадокс – каждый делает все, что может, но любого ждет неудача. Понимание, что надо было делать и как, приходит вслед за тем, как изможденное тело покидают силы.

Самым хитрым из всех смертных был Уинстон Черчилль, он считал: «Добиться успеха – значит идти от поражения к поражению, не теряя оптимизма». Заключенные в этой фразе обещание, надежда и сила помогают побеждать превратности судьбы и преодолевать испытания или хоть как-то оправдать незрящность жизни вообще, а не только британского премьера в частности.

Но вернемся к Толстому с его деревенькой – здесь все начинается, и все заканчивается. Как началом Материи была Энергия, так началу жизни дали сила земли, сила воды, сила атмосферных явлений....

И жизнь состоялась на Земле!

Ты проснёшься на рассвете

Мы с тобою вместе встретим

День рождения зари.

Как прекрасен этот мир, посмотри

Ты не можешь не заметить

Соловьи живут на свете

И простые сизари

Как прекрасен этот мир, посмотри

Ты взглянула и минуты

Остановлены как будто

Как росинки – их бери

Как прекрасен этот мир, посмотри,

Как прекрасен этот мир!

(В. Харитонов)

Сквозь полувековые завалы память возвращает в эти места – в ароматы густого разнотравья, ласковый шепот «спи, моя радость, усни» березовой листвы, в исполинский гул сосен, пронзающих безупречную голубизну неба. Организму была дана команда «отдыхать!» – и так сладко лежать разнеженному и одурманенному, отдаваться течению неспешного времени и утопать в полуденном мареве.

Широкая поляна, вся залитая солнцем, кажется, парит над окрестностями, над лесным озером с белым солончаковым берегом. Ландшафт настолько ярок красками, что хочется вырезать его ножницами, вставить в рамку и повесить на стену. Только зачем же вырезать и заключать такую красоту? Пусть любуются все!

Звенит от птичьего гомона воздух, стрекочут кузнечики – и весь этот шум вселяет такое немислимое ощущение радости бытия, такое упоение юностью и присутствием счастья, что кажется, будто исполнилась самая отчаянная мечта. Разве чистая радость и желание вечно лежать на этой поляне не достаточные основания сами по себе? Разве непременно надо исполнять придуманные другими людьми правила какой-то игры в поисках каких-то непонятных и чуждых ценностей?

Быть может, память, которую считал чудесным золотым ключиком от страны, где веселье чуть-чуть горчит, а печаль светла и поэтична... Быть может, память о тех школьных турпоходах на замечательный берег Подборного породила в сознании понимание, что в жизни есть два мира – гармоничный от матушки Природы и надуманный от людей, который живет своей логикой и подчиняется своим правилам игры.

Ой, как неуютно в том мире с его логикой, где одним неистовая погоня за «золотым тельцом» или лихорадочное карабканье по служебной лестнице, другим только банальные и плоские чувства – нежелание заниматься работой, неприязнь к начальству и детское стремление избежать наказания. Ничего не попишешь – если дело, которым ты занимаешься, вызывает у тебя только внутренний дискомфорт, будь готов к производственным неприятностям.

Поневоле возникает желание улизнуть туда, где никто никому никогда не навязывает свою волю. Или хотя бы не мешает жить по своему разумению. Где ничего нет и не надо кроме великолепного, всепоглощающего одиночества и наслаждения звуками, запахами и цветами.

Всю свою жизнь, как бы ни было где-то здорово (на Кубе, например), всегда подспудно стремился сюда – к лесному озеру, сочной изумрудной траве, к тающим в опаловой дымке далям; и к людям здесь отдыхающим – не живущим, а словно играющим в жизнь, как беспечные дети.

Попробую объяснить это влечение.

Бытует версия, что наряду с электромагнитными силовыми потоками в недрах Земли существуют движения животворящих сил. Места их выхода на поверхность некогда создали условия возникновения жизни. С незапамятных времен весь живой мир интуитивно находил эти «оазисы» и охотно плодился там. Ученые дали им название – «пупы» Земли. Совершенно не сомневаюсь, где на Южном Урале такое место есть.

Сам посудите.

Неспроста целых пять озер вокруг села Хомутино общеизвестны лечебными свойствами своих грязей. А линзы минеральных вод с удивительнейшими оздоровительными эффектами глубоко под землей у Подборного озера? Впрочем, все это и более подробно в любом доступном источнике прочтешь.

Ты меня послушай.

Знакомые летчики с Упруна говорили – с высоты их полета конфигурация расположения Пяти Озер в лунном сиянии очень здорово напоминает профиль лебедя, планирующего по кругу, распластав крылья и вытянув шею к месту посадки. А лебедь всегда считался у славян символом чистоты и верности, красоты и здоровья.

Это Знак, сын мой – знак места выхода животворящих сил!

И еще.

Наделил меня Господь от рождения одной замечательной способностью – в любом месте, в любое время суток безошибочно определять направление к дому. Отец мой, рыбак и охотник, поражался – ему это давалось только памятью и грузом ошибок. Так вот, на берегах Подборного (а бывал я здесь много раз) компас мой внутренний отключался. Мало того, что ошибался с направлением к дому – отойдя на пару десятков шагов от места ориентации, менял мнение о нем чуть ли не на противоположное.

Место природной аномалии?

Себе объяснил это так: заповедный край не хочет отпускать своих гостей – куда ты, мол? оставайся! здесь твой дом! Представляешь, с каким душевным настроем стремился сюда – пусть даже на работу.

Но есть еще одно обстоятельство, заставляющее сердце биться быстрее, делавшее возвращение к Подборному еще желаннее и необходимее – далекие образы школьных друзей, свидетелей детства, с почти родными лицами, полузабытыми и вечно дорогими, которые мельтешат в памяти, но не обретают уверенные черты, не становятся зримыми и узнаваемыми, дразнят и мучают неопределенными смыслами и ассоциациями, задавая вопросы, на которые не было ответов. Может быть, здесь и сейчас к логической развязке придет повести нескончаемый рассказ о годах давно минувших, школьных друзьях, о ветре, разбросавших нас по всему свету – кто исчез, кто распался в прах, кто просто переехал и забыл. Может быть, на этом берегу ждет разгадка нестерпимо желанной тайны – наконец, увижу маятник судьбы, отсчитывающий последние минуты, часы, дни или годы. Потому что время – единственное, с чем мы не можем справиться в нашей жизни, ибо однажды приходит срок, и все заканчивается. С этим сроком не поспоришь.

Но ведь ничего не потеряно еще – не правда ли?

Память вновь возвращает на берега Подборного.

«Ты вернулся!» – шепнула роса, которая мыла мне когда-то босые ноги.

«Ты вернулся!» – запели незнакомые птицы и зашелестели листья над головой.

«Ты вернулся!» – заискрилась бликами озерная вода, радуясь новой встрече.

«Ты вернулся!» – кивал темной кроной бор, вековой исполин.

Вернулся, друзья! Вернулся к вам и в свое детство!

Ах, как здорово начинать здесь лето – слишком прекрасное, чтобы быть реальным: теплое, сияющее, полное отблесков солнечного огня и мерцания озерной глади, пронзительно светящееся небесной синевой и всеми оттенками зелени окружающих лесов. После школьной суеты и домашнего уюта окунуться в эту почти девственную красоту Природы – это ли не чудо Великого Маниту? Ликуй, команчи!

И бледнокожие индейцы «отрывались» на все сто – не упускали радости лучших дней детства, испытывая острое ощущение неповторимости происходящего, но недооцененного тогда и не получившего выражение в словах. И стоит признать – даже в пору полового созревания (буйства глаз и половодья чувств), ночуя в палатках вповалку и обнимку, у нас хватало достаточно благоразумия, чтобы не огорчать своих родителей сюрпризами matrimониальных намерений.

Просто был июнь, и лес благоухал пряной зеленью листвы и трав, и озеро скрадывало перспективу дымкой испарений, и мир птичий ликовал вечной музыкой любви и радости жизни. Казалось, округа замерла, повинувшись волшебному щелчку фотографа.

Помню, на территории пионерского лагеря скважину. Вода была вкусной, свежей, с отчетливым привкусом сладости и такой холодной, что ломило зубы и перехватывало дыхание. Еще глоток, еще один – и, утолив, наконец, так долго мучившую жажду, приятно плеснуть в лицо полные пригоршни искрящихся капель, смеясь и поддразнивая собственное отражение в ладонях.

С воды и начнем....

Сейчас наберу ведро и отнесу на костер, вокруг которого сидят школьные друзья, взбунтовавшиеся вместе со мной против существующего порядка мироздания – так же просто и естественно, как это уже случалось в моих мечтах. Какая разница, сколько времени прошло, если нам легко и радостно встретиться вновь.

Изгиб гитары желтый ты обнимешь нежно,

Струна осколком эха пронзит тугую высь.

Качнется купол неба, большой и звездно-снежный...
Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!
Как отблеск от заката, костер меж сосен пляшет.
Ты что грустишь, бродяга? А ну-ка, улыбнись!
И кто-то очень близкий тебе тихонько скажет:
Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!
И все же с болью в горле мы тех сегодня вспомним,
Чьи имена, как раны, на сердце запеклись,
Мечтами их и песнями мы каждый вдох наполним.
Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!
(О. Митяев)

А грустят «бродяги» от того, что искры гаснут над костром, как признаки неоспоримого финала драмы жизни, раньше казавшейся радостно-таинственно-светло-прекрасной. И вяло философствуют о несовершенстве человеческой судьбы – с легким привкусом сладковатой тоски говорят, что все, конечно, здорово, но ведь годы-то ушли безвозвратно, и встреча наша запоздала лет так на ...дцать. И не находится ни одного, пославшего скептическое настроение к чертовой бабушке и пососоветовавшего не разлагать гармонию алгеброй.

А я пытаюсь понять – почему это происходит? Ведь костер и все собравшиеся вокруг – плоды моего воображения: казалось любой сценарий должен прокатить, а вот... не получается, хоть тресни. Больше скажу – вдруг почудилось, что они люто ненавидят меня за то, что так легко и просто могу совершать путешествия во времени, прихватив заодно товарищей.

Прихватить-то прихватил, но «поляну не накрыл» – может, за то? Неужели им более по душе прескучнейший загул – с враньем, истериками, безудержным хвастовством, «охальными» песнями и выяснением отношений, как это бывало на школьных вечерах встречи выпускников? Что-то еле слышно подсказывало, что я напрасно вытащил друзей сюда в нынешнем их виде – куда как проще пацанам. А ведь мог, мне это просто: я – великий выдумщик....

Впрочем, все это никакого отношения к научной фантастике не имеет – лишь мечты о том, как могла бы произойти такая встреча. В конце концов, я мог бы легко представить, что вокруг костра сидели тринадцатилетние подростки. Хотя в том нашем возрасте южному берегу озера еще не добавили привлекательности белоснежные корпуса санатория.

О, Боже! Сколько лет тому назад это было?! А ведь, кажется, ничего не изменилось. Кроме нас. И надо серьезно подумать, что со всем этим делать дальше. Будь мы подростками, все было бы ясно, но в нынешнем нашем возрасте.... м-да.

Если просто посидеть у костра, потолковать – попытаться подвести предварительные итоги? Подчеркиваю – предварительные, ибо мои личные планы на будущее грандиозны. Что-то ребята расскажут. Шибко надеюсь – пусть мы старики, но разбойники еще те.

Итак, что имеем? Кампанию школьных друзей, прошедших различными путями весьма внушительную часть жизни – стало быть, изрядно пожилых и возможно временами излишне сентиментальных; здесь, у костра на берегу озера, вместе с горечью сладких воспоминаний, вдруг почувствовавших жгучее, постыдное чувство высвобождения от мирских забот и тягот семейной жизни. Однако друг на дружку смотрят с удовольствием, предвкушая неторопливый, аппетитный разговор.

Для чего они нужны мне? Ты догадался верно – чтобы в диалоге седых или плешивых собеседников завалить тебя премудростями жизни, глубокомысленными истинами и наставлениями. Прости, умнее не придумал ничего. И строго не суди, как в американском анекдоте: «Джентльмены, не стреляйте в пианиста: он играет, как умеет».

Помню, ты говорил, что сейчас все читают только сказочные фантазмагии с нагромождением веселых глупостей и невероятных приключений. Или книжки, где раздевают

догола Историю – и истязают, и измываются над ней: ибо солнце Гласности у нас взошло, осветив свалку мерзостей, имевших место или кем-то выдуманных. Ну, а я воспользуюсь отцовским правом и усажу тебя приказом за сию скучнейшую из рукописей.

Временами очень скорблю о своем, не получившемся отцовстве. Горькое разочарование и вина вползают в душу, когда узнаю о примерах твоего ума и находчивости, смелости и предприимчивости, решительности и нежности не мною тебе привитых. И тогда вся моя любовь, не востребованная собственными детьми, отдается мечтам – в них мы все вместе и очень дружны.

Это моя доля к общему разговору у костра, как того требует сюжет.

Своими победами и неудачами, пороками и пристрастиями делятся мои друзья. Все они – дети прошлого века, не очень вписавшиеся в день сегодняшний, с его гнусными проблемками, искалеченной нравственностью, с тараканьими забегами за длинным рубликом или к доходному креслу, когда даже записные остряки и насмешники теряют чувство юмора, присущее им с детства.

Без спиртного разговорились полувывымышленные герои – мне остается только следить, чтобы разговор не уходил далеко в сторону от темы назидания потомкам: освобожденный от домашних комплексов, он то и дело становится раскованным. Старики-разбойники начинают хвастать своими связями с «лицами противоположного пола, значительно уступающими им в возрасте». Это, сын мой, еще один явственный признак старости – чем старше мужчина, тем моложе ему нравятся женщины...

Однако проходит бравада, и разговор возвращается к мысли «Жизнь кончена!» – наваливаются метания, рефлексия, вспоминаются покойные друзья... перестройка... приватизация.... Общее мнение: нахлынувшая в Россию демократия обездолила всех – кого-то последних портков лишила, кого-то остатков совести.

Все у костра разом оказались беспортошными. Но, тем не менее, живо обсудили – у кого какие квартира, дача и машина. Ибо эти блага цивилизации для бывшего советского человека в его ограниченном существовании – замечательные вехи жизни.

Как говорят в Одессе: мне с вас смешно!

Только для некоторых неприсутствующих в жизни на самом деле было совсем не смешно и намного страшнее – я помню рассказ одноклассницы, жены офицера и беженки из Андижана – но не о них сейчас речь, а о друзьях моих, которые снисходительно и инфантильно с безмятежным видом пукнувшего ребенка рассуждали сейчас о власти, политике, бизнесе и о будущем страны.

Поняв, что тема теряется, тут же ввернул философский стимул.

– Вашу мудрость из прожитых лет в назидание потомкам меняю на стакан водки.

Минутное замешательство, потом один выдал:

– Я, братцы, понял, почему америкосы такие тупые все.

– Ну и...?

– Так они же под нами вверх ногами – стало быть, антиподы. Ты попробуй-ка день-дневской вверх тормашками – кровь в голову прильет, поневоле затупишь.

Смешно и не лишено резона – пусть будет мудростью.

Второй начинает:

– Вся наша жизнь состоит из приобретений и потерь. Но наступает старость, когда приобретает уже ничего не надо – поздно. Но и терять ни за что нельзя! Особенно страшно, когда потери вдруг пошли одна за другою. Наступит время – и ты уйдешь. И жизнь кончится....

Пауза.

Я не выдерживаю.

– И что? Где соль? Что на ус намотать?

Он ткнул пальцем в стакан в моей руке и поманил его к себе.

– Вот помру с похмелья, будешь знать...

– Это мудрость? – усомнился я.

Полный стакан в моей руке не дает покоя соискателям.

– Я попробую сморозить, – вызвался еще один. – Старость – это клетка: сидят в ней, смотрят на окружающий мир... причем сидят поодиночке. Заметили, мужики, что бабушки теперь на скамейках не торчат у дома, как раньше. Перемерли что ли все?

– Смотрят сериалы.

Соискатель лишь покосился на подсказчика и, не вступая в полемику, продолжил:

– В старости что обиднее всего? Человек прожил жизнь, набрался ума и опыта – есть, что людям рассказать, дать совет, а его не слушает никто. Мудрость из него, можно сказать, так и прет, но никому ее не надо.

Поняв, что мысль исчерпана, протянул ему, довольному, стакан.

– Ерунда это – про старость, – новый соискатель огненной воды. – В конце жизни ты всегда один. Я вот что понял: счастье – это дар врожденный. Если ты им наделен, все равно будешь счастливым, даже если женат на стервозной Бабарихе. Но несчастное мироощущение – это тоже дар. Может быть, не менее ценный.

– Как это?

– Счастье усыпляет душу, несчастье ее развивает. Жизнь несчастного человека глубже, рельефнее. У человека трагического больше возможностей раскрыть свой духовный потенциал. Вот почитайте Достоевского....

– Молодец! Пять с плюсом, – протянул соискателю еще и сырок плавленый.

Кто-то позавидовал:

– Просто жизненный путь себе надо правильно выбирать – вот и будет счастье.

– Кто ж это знает, какой путь правильный, какой нет?

– Дольше живешь, значит правильно.

– Годы считать – смерти бояться, – бросил кто-то язвительную реплику.

– Да я про нее вообще не думаю – как выйдет, так и пойдет. Жить и смерти ждать глупо. И чего на нее, дуру оглядываться? Она и так все время рядом, с утра до вечера и ночь напролет. Мы бредем по жизни, как в туманном лесу с ямами и западнями – каждую секунду можно оступиться и провалиться. Смерть пронесится в потоке машин, свешивается сосулькой с крыши, блестит ножом в руке маньяка. В старину, когда войны были чаще, а жили похуже, люди постоянно готовились к смерти и не очень-то ее боялись. Теперь все иначе. Спроси богатенького буратину – не пора ли тебе, паря, на тот свет? Что ответит? «Нет»?

– Что-то я не понял – ты о ней не думаешь или уже готов?

– Пойдите вы знаете все куда, Воланды доморощенные, – обозлился один. – Нашли же тему!

– Действительно дерьмо! Сидеть на природе среди живых и думать о покойниках! Не пикник, а какой-то морг!

Теоретик счастья с несчастьем, не переводя дыхания, опорожнил двухсотграммовую тару водки, занюхал сырком сквозь обертку и подмигнул жизнерадостно – мол, не робей, воробей, все в жизни тип-топ: нет никакого угрюмого завтра, сплошное счастливое нынче.

Нынче мы имели костер у прозрачного края соснового бора, багрянцем распускающийся шиповник в подлеске, отполированный волнами и временем солончаковый брег и, если не считать обычных звуков живой природы, абсолютную, звенящую тишину. Запахи дыма, хвои и смолы. И дохлый набор мудростей, никак не оправдывающий задуманного, и потраченного на это времени.

На мой кислый вид кто-то заметил:

– Не печалься – все проходит, и даже жизнь.

Это была самая мудрая из прозвучавших истин – надо было вытаскивать народ.

– Как вам, друзья такое:
По жизни каждому дана своя дорога,
Судьбой отмерена на радужных весах.
Рожденный ползать по земле убого
Не воспарит как птица в небесах.
Наука жизнь, как русская рулетка,
Как грязная, болотистая тина.
Кому за счастье золотая клетка,
Кому свобода – скучная рутина.
В судьбе бывают сложные уроки.
Приходится, и плакать и стонать.
Возможности у искушения широки,
Но трудно в жизни истину познать.
Однажды мне мудрец науку задал.
Я повторять ее не уставал:
Не тот велик, кто никогда не падал,
А тот велик, кто падал, но вставал?»

(С. Тюлякова)

Пока читал, бутылка без стакана пошла по кругу.

– Сам сочинил?

– Куда мне! Светлана Тюлякова.

– Вот тебе и курица не птица!

Встрепенулись мужики, развязали языки.

– Чтобы там ни говорили, счастье – это деньги. Есть бабки, страха нет – на это не хватит, за то не расплатишься. И еще, «тугрики» – это свобода. Свобода, возможности, уверенность...

– Жестокое время диктует жестокие нравы, и нет закона, чтобы защитить слабых и немощных. Деньги, все решают деньги. И чьи-то интересы.

– И как порой бывает бессмысленна судьба! Ни трудна, ни сложна, ни жестока, а именно – бессмысленна. Ну, просто абсолютно. До смеха – хотя, какой тут смех.

И после группового нытья звучит резюме:

– Жизнь – самый главный мудрец: ее советы всегда ко времени и к месту.

– Да, жизнь – непростая штука. Вот говорят, молодость – счастливая пора. Ой, не надо! В молодости только и хорошего, что здоровье и физические силы. А так... Сплошные сомнения. А еще – страсти, разрывающие душу, осуждение, непонимание, отрицание. Боязнь не состояться и упустить что-либо. Короче, томления таракана еще не выпущенного на беговую дорожку.

– Причем тут тараканы? Жизнь человеческая – лучшая из комедий.

– На свете счастья нет, но есть покой и воля...

Друзья заспорили, а я пошел бродить по берегу – просто так, без всякой цели.

Тихо звучала красивая мелодия из санатория. Все было узнаваемо, хотя прошло столько лет. Закрыв глаза, и сразу, как воочию, возникла яркая и абсолютно реальная картина – палатки и мы, вчерашние шестиклассники, играющие мячом в «картошку». Все в кругу – мальчишки и девчонки, задиры и «ботаники», любящие игры и спорт или читать книжки и размышлять о смысле жизни, трусливые и смелые, щедрые и жадные, хитрые и простодушные. Абсолютно разные и удивительно похожие. Дружившие в ту пору так честно, яростно и крепко, что кажется – до самой смерти не разлить водой.

Тогда никто еще не знал своей судьбы – всему свое время. Тысячи раз будет поворачивать вправо и влево извилистая жизнь, и тысячу раз будет испытывать нас судьба. Впрочем,

как любого из живущих на земле. У всех будут беды, горести, болезни и отчаяние, предательства и измены. И все получают свои порции счастья, удачи, радости и надежды.

А потом спустя полвека однажды соберутся, подвести итоги прожитому – и что? Где мудрости нажитые? Заржавели мозги под слякотью времен? Или порасшибали лбы на пройденном пути о правду жизни? Говорят, чем старше человек, тем легче переносит он судьбы удары, а молодым, конечно, достается.

Может, сам виноват – не сумел разговорить: отвык от общения в своем коконе, который свил для себя и благополучно существую в нем уже не первый десяток лет?

Ну, раз не нашел помощников, буду отдуваться сам – тема та же: что есть жизнь и как стоит жить? Скажешь, объемно? Скажешь, от скромности я не загнусь? А скромным в наше время быть бесперспективно.

Так что насчет мудрых истин? Внимаешь? Тогда погнали!

Почти как у Хайяма – три важных правила запомни для начала.

Начнем с того, что все в жизни надо достигать трудом, а наследовать – доброе имя. Ты, кажется, это уже осознал, а вот сестренке твоей предстоит еще... если сумеет.

Далее. Ничего не принимай на веру. Как учил бородатый Маркс – все подвергай сомнению.

И, наконец. Успех – это сумма попыток. Вон Хеопс, говорят, все жилы порвал, пока пирамиду свою построил.

Мир мудрых истин, как и глупостей людских, без края и конца – нет им числа. Ограничусь этими тремя. Кстати, отец тоже мне три завещал. Послушаешь? Тогда вникай.

– В двадцать лет силы нет – ее и не будет.

– В сорок лет ума нет – его и не будет.

– В шестьдесят лет денег нет – их и не будет.

И комментарии по пунктам.

1. В двадцать лет надо ум включать, отправив кулаки на отдых.

2. Вторую четверть жизни помнить Черчилля – от поражения к поражению, не теряя оптимизма.

3. К шестидесяти годам обеспечить старость.

И что могу сказать о себе в итоге?

1. В девятнадцать лет бежал в морчасти погранвойск от хулиганской перспективы.

2. В тридцать семь осознал, что в коммунизме мне не жить.

3. А в шестьдесят... как у зубатого грузина: мои года – мое богатство.

Ну, что имеем, то и есть.

Божество от вдохновения

Реальность – это то, во что ты веришь.

Бернар Вербер

Знаешь что, давай и мы расслабимся немного – дадим волю фантазии и выпьем легкого вина из амфоры со дна Понта Эвксинского. Пить будем по-эллиински – несколько капель на бокал воды. Те же, кому для задушевной беседы нужны водка, хлеб черный, хвост селедочный или соленый огурец, пусть улицу пересекут, как советовал старик О. Генри. А мы для полноты антуража – паллиатив здесь не годится – опять перенесемся на берег Подборного.

Бывал здесь много раз и никак не могу привыкнуть – всегда нахожу что-нибудь новое, удивительное для себя: прям до холодка под ложечкой, до пресечения дыхания с сердцебиением. Так заводит – просто жуть с ружьем!

Ты посмотри, красотыца какая! Ветра нет, а волны не спеша моют пену на песчаный берег. Возьми в ладонь – видишь: она белая как снег и мылкая на ощупь. Это свойство щелочной воды, которая как зеркало в волновом обрамлении – скроишь своему отражению рожицу, а оно в долгу не остается.

В дымке испарений чуть колышется сказочная перспектива берегов лесных. И удивительный покой. А как легко дышится! И настроение – абсолютного довольства жизнью. Верно? Такое здесь случается тринадцать раз на дюжину.

Или скажешь – немотивированные эмоции? Ну да, все познается в сравнении. Может, ты без ума от пейзажей мегаполиса – от них заражаешься энергией, более похожей на суету. Кажется, именно это явление Фрейд называл сублимацией. А по мне так – растворишься она в воздухе, сила нечистая! Ибо, кто жизнь познал, не будет торопиться.

Ты прислушайся: кукушка ворожит – ну, совершеннейшая парвеню!

Кукушка-кукушечка, сколько лет мне осталось жить? Один, два, три, четыре... не переставай, пожалуйста,... восемнадцать, девятнадцать, двадцать... ой, не переставай, щедрая ты моя...! Жажда бессмертия рванула по экспоненте.

И сколько бы ни осталось мало, хочется прожить их здесь, в общении с Природой, у которой есть такой мудрый закон – все когда-нибудь кончается. Начинается, продолжается и заканчивается. Все проходит – и печаль, и радость – ничто не вечно в этом мире. Как все гениальное – просто. Но далеко не все простое – гениально. И нет ничего тайного, что не стало бы явным. Например, срок жизни. Как говорится, не рассчитывай на многое – не будешь разочарован.

Мысль материальна. Кто сказал? Ну, точно не дурак: знал, что говорит – чувствуешь вкус напитка тех времен, когда почитали естество, а духовность не считали верой в Бога? Так давай выпьем за ту эпоху, когда душа и тело были двуедины, а не двулики, как теперь. К месту сказать, моя личная народная примета – если начать беседу с глотка доброго вина, то разговор не будет зряшным.

Это, скажем так, концептуальное начало.

О чем поговорим? Давай, если не против, за духовность.

Отец мой, коммунист, не разрешил меня крестить. Но время шло, и подошло – задуматься: а дальше что? куда с нажитым? Ведь в саване карманов нет, а жизнь так устроена – мы друг у друга учимся: один дом построил, другому хочется; один машину купил... В результате вырастаем, какие есть – как близнецы похожие и с одинаковым набором ценностей: дом, машина, жена, скотина....

В то время как в каждом из нас достаточно таланта, чтобы стать лучшим в чем-то и непохожим на других. Проблема лишь в том, как его в себе сыскать. Тот, кто не понимает

как, годами мечется туда-сюда и лишь закапывает себя еще глубже в рутину бытия. Поэтому лучшими и непохожими на других становятся не все – очень многие просто хоронят себя при жизни и остаются ни с чем. Все получается лишь у тех, кто верит в свои способности с самого начала. Из тех же, кто не верит в себя и свои возможности ничего путного не получается.

Но веры одной, жизнь доказывает – увы, не хватает.

При всей широте талантов наших – кто-то рождается, чтобы музыку сочинять, кто-то прохожих грабить, кто-то дома строить и в футбол играть, кто-то в магазине рыбой торговать или ракеты в космос отправлять. При правильном выборе жизненного пути, когда вроде все должно получаться здорово – чаще всего встречаются на жизненном пути Непредвиденные Обстоятельства, и все загаданное к чертям собачим.

Удивляешься, как это я отбился от стаи – живу один, как трепанг на дне океана: без жены, без скотины; не пью, не курю и все такое – чем занимаюсь и как заставляю себя это делать? А вот так и заставляю – представлю начальника грозного или Бабариху законную, подскачу, козырну: «Есть приступить к выполнению задания!» И выполняю.

Кто-нибудь скажет: совершенно ненормальный и безнадежно свихнувшийся тип в коротких штанишках с чужого плеча – мол, абсолютно клиническая картина, и пора его к психиатру на прием отправить, раз сам с собою разговаривает. А я отвечу – с умным человеком завсегда приятно.

Вот нынче модным стало в церковь ходить. Так, может, и мы с тобой?

Думаешь, вдруг мысли о Боге взяли и пришли? Нет, дорогой! Я уже всю голову насквозь продумал. С одной стороны – Его как бы нет; а с другой – люди-то что, дураки все? Иль считаешь, что в церковь хитрецы одни ходят – хотят как-то Боженьку облапошить: мол, я поклоню Тебе, а Ты мне за это пошли здоровья, денег и удачу. Получается не вера, а торговля. Вот когда действительно возникнет душевная потребность, то...

Впрочем, и те, которые искренне думают, что их кто-то спасет, потом разочаровываются. А ведь способности человека переносить трудности безграничны. Главное – надеяться и верить в себя, и уметь применять их, эти способности....

Но давай по порядку.

Любопытство Пандоры наслало на человечество страшные болезни, несчастья и зло. Ей удалось захлопнуть крышку, прежде чем улетела надежда. И это единственное, что у нас осталось от дара Богов – так гласит мифология.

И мой жизненный опыт подтверждает: надежда есть у всех, всегда, во всем. Даже когда уж совсем ничего не остается, как говорят: ни единого шанса, будет она – очень верная штука. Надежда человека крепче всего в жизни держит и вытаскивает из любой напасти – болезни, беды, отчаяния. Только надо ее как следует потренировать и подпитать – как, например, ослабленные мышцы. И тогда, окрепнув, она превратится в веру – в хорошее, в себя... или в добрую и всемогущую силу. Назовем ее Богом.

Только не думай, что теперь шибко маюсь, вспоминая весь ужас своей стыдной жизни безбожника-коммуниста. Просто время пришло, время торопит, и надо понять – не понять и молча гибнуть не могу: не девица Татьяна Ларина.

Как часто на судьбу мы ропщем:

Судьба – злодейка, говорим.

То сожалеем мы о прошлом,

То зло отчаянно храним.

А то уныние лелеем:

В душе обида и тоска.

Неизлечимо мы болеем,

Коль рухнет замок из песка.

За что, мол, беды и напасти? —
Не изменить, не пережить...
И рвётся существо на части,
Что воедино не сложить...
Покоя хочется и лада
В стремленье праведном – понять...
И надо жить, и верить надо...
А с прошлым нить не разорвать.
Плыть по течению? – Невозможно!
Душа бунтует и горит.
Что в жизни истинно, что ложно, —
Быть может, кто-то объяснит?
Несём судьбы лихое бремя:
Смиренье кроткое... Протест...
Надежда лечит. Вера. Время.
Но всем и каждому – свой крест...
Мы сквозь чистилище проходим:
Теряем, ищем, чтоб найти.
И иногда себя находим —
К концу нелёгкого пути...
(Т. Гостюхина)

Вот бы развеселились мои коллеги по Увельскому райкому партии, представив, что когда-нибудь я озабочусь мыслью: а есть ли Бог? Наверное, не поверили – ведь слыл среди них жестким прагматиком. Да и сам не поверил бы, заикнись кто тогда.

Вот какая от Бога польза? В рай к нему, как в кремлевский санаторий, то ли попадешь, а то ли нет, но в церковь ходи, свечи ставь, поклоны бей – сплошной расход времени и средств. А ведь не дурак сказал: «Не мечтайте о несбыточном – вдруг ваша мечта исполнится». Попадешь в рай – и что там?

Нет, я не нытик и не мизантроп – просто хочу разобраться, что к чему, что людей заводит из поколения в поколение. Пусть кому-то изыски мои пустыми покажутся, доброго слова не стоящими, но когда знаешь, что делаешь и для чего, как-то спокойнее на душе. И потом, со школьной скамьи, когда ударником был, в голову вбил – нет пределов разуму человеческому: до всего можно докопаться, если взяться. Стало быть, и этот знак вопроса есть шанс разогнуть в восклицательный.

И не надо думать, что характером склочный – мол, все верят, а я единственный сомневаюсь и ищу возможность заявить об этом. А кто подумает – чихать на того хотел. И кто боится Божьей кары, пусть продолжает. Тут ведь как: поверишь – сбудется. Да и как может склочником стать бывший отличник боевой и политической подготовки морчистой пограничных войск?

Пусть неважно я подкован в вопросах теологии – не удосужил, каюсь – но собственное представление о мироздании таки имею.

Начнем с того, что теология – тоже наука, и как наука имеет свои законы, главный из которых утешать страждущих. А нестрадающий к Богу не сунется – незачем, раз все уж есть и ничего за это не будет. Гром грянет – вот тогда мужик и крестится. Но не это интересно. Душу греет эволюция религии – как она туполобо, до смертной казни инакомыслящих, отстаивала постулаты о плоскости Земли, о ее центральной роли во вселенной и тому подобной, ныне признаваемой ереси.

Еще занимательнее ее история. Сначала были государства-города и у каждого свой Бог-Покровитель – в Афинах Паллада, Апполон в Трое, ну и так далее тому подобное. Объедини-

лись крепости в большие царства, появился единый Бог-Утешитель. С возникновением буржуев, умеющих считать и зарабатывать, религия стала покладистой – в Лету канули церковная десятина и индульгенции: пошел боженька на службу к деньгам имущим. Где и состоит ныне на взаимовыгодной основе.

При таких взглядах на религию подозреваю обоснованный вопрос – мол, какого лешего зову тебя креститься? Да лишь по той простой причине, что символом мужества в твоей душе не Рембо Джон надеюсь, а Коловрат Евпатий. Православие – вот что сохранило для нас духовное наследие наших предков. Ну, не труды ж историков – право смешно!

Религия, сын мой – это культура, а не массовый психоз. И Православие – самобытность славянская. Наши попы спасли ее, не пойдя по пути католических падре с их целибатом. Наши всегда любили женщин, и, если это взаимно – почему нет? Это своеобразное проявление жизнелюбия во всех его смыслах.

Ты любишь жизнь? Так почему ж не хочешь стать одной веры с дедом Егором, в Петровской звоннице крещенным в 1918 году? Или с прадедом Кузьмой Васильевичем, в том же году, но месяцами раньше погибшим недобровольцем в колчаковском ополчении? Или с крепостным прапрапра..., выигранным в карты питерским кутилой графом Мордвиновым и пригнанным новоселом на Южный Урал из деревеньки курской в эпоху царствования Блистательной Екатерины?

Что потомкам своим будешь рассказывать – какого роду-племени они? Иль думаешь, нам погордиться нечем? Скажу надменно – ты не прав, и приведу пример. Дом, который построил руками своими Федор Кузьмич, старший брат твоего деда, с тридцатых годов до Перестройки был украшением центральной улицы села Петровка. Бог даст – век простоят. Как строитель зацени – ведь рублен из сосны...

А не знаешь, что говорить, не говори ничего – не дурак сказал. Пусть это не сильно педагогично, но я уверен, кровь славянская и гены предков... Словом, закон Природы – судьба и на печи найдет. Со временем все само к ним придет, к дочкам твоим, внукам моим – и понимание, и желание понять кто мы, откуда и для чего на этой Земле. Поймут и умножат дела добрые доброго рода. Не дурак сказал: человек жив, покуда о нем помнят.

И это правильно. Дом Федора Кузьмича Агаркова снесут, а о нем самом, его красавице жене полячке Марте (в обиходе Матрена) и других «куряках» и казаках из рода Богатыревых будут читать многие, очень многие – тысяч сто, наверное, человек или двести, и рассказывать своим детям и внукам. Хорошо будут думать о героях романа «Самой» – с удовольствием и благодарно, потому что знали наши предки, как быть счастливыми. Не всем удалось, правда, но это уже происки Обстоятельств...

Впрочем, стоп. Мы, кажется, о духовности затеяли, а не о родственниках – о них-то могу сколь угодно. На эту тему никакой силы воли нет: готов без конца рассказывать об истории своего рода, сияя «как лужа под солнцем» – заявили мне такое однажды. Но не смутили: ведь брехать не пахать – в смысле, языком, а не насчет правды.

Для настроя на тему сделаю то, что лучше всего у меня получается – маленькое лирическое отступление.

Есть ли в природе запах чудеснее аромата свежескошенной травы? Дивно пахнет жарким летом и осенней свежестью, клубникой, арбузом... и счастьем! Настоящее наслаждение для носа! Так пахнет дождливое воскресенье, когда не хочется (да особо-то не нужно!) вылезать из-под одеяла и куда-то топтать. Так пахнет белье с мороза. Так...

Упадешь в ряд, литовкой подбитый, закроешь глаза, вдохнешь полной грудью – Господи, верую!

Из множества звуков летнего леса: шелеста листвы, стрекота сорок или перестука дятлов самый лиричный – утренняя песня соловья. Едва солнечные лучи позолотят верхушки деревьев, невидимый в густой зелени певец начинает свои серенады, удивительно красивые

и волнующие – настоящее наслаждение для слуха! На радостное сердцебиение пробуждающегося леса похожа эта замечательная песня.

Полон жизни заповедный Хомутининский бор – выводят трели дрозды, пересвистываются рябчики, красочные малиновки насмежаются над невзрачными воробьями, стратегическим бомбардировщиком натужно гудит шмель, пролетая над ухом. Но когда запоет соловей, смолкают все, и хочется воскликнуть – Господи, верую!

Каждый год в конце августа и сентябре Земля пересекает хвост кометы и случается метеоритный дождь, похожий на фантастический фейерверк – быстрые стежки на полотне ночного неба. Завораживающее зрелище – ежеминутно вспыхивает серебряный штрих: скобка, восклицательный знак, запятая; знаки препинания, написанные светом для слов, которые так трудно произнести. Над Подборным это зрелище сродни неземному – там небо-склон ярче и ближе, утверждают очевидцы и я с ними согласен. Звездопад – настоящее наслаждение для глаз! Хотя на самом деле не звезды падают, а космические камни, которые влетают в атмосферу и загораются от трения.

То, что мы видим, загадывая желание, просто след в атмосфере от осколка, но так и хочется воскликнуть – Господи, верую!

Допустимо? Или урбанизированным такие эмоции не по силам?

Слушай дальше.

Приснилось мне, будто каким-то блатом попал в Чистилище. Сам-то живой еще – мне на землю грешную можно вернуться, а вот душу решил пристроить.

– Не примите, – спрашиваю смотрящего, – душу безгрешную в кущи райские до срока? Обязуюсь ни чем ее не подвести за остатние дни свои.

Тот долго не артачился.

– Стой смирно! – велит – чик! – и вынул из меня душу.

Та немного подергалась, посопротивлялась – потеряв тело, выглядела жалкой. Села на скамеечку у входа и пригорюнилась.

– Отдохнешь в раю, – смотрящий ее утешает, – подлечишься, и мы тебе новое тело подыщем. А от этого, – строго так зыркнул на меня, – никакой пользы Господу: одна обуза. «Обуза для Бога» подошла к душе осиротевшей.

– Прости, – говорю. – Он прав – здесь тебе лучше будет, чем со мной.

– А как же ты?

– Пока не знаю.

– Не боишься, пожалуйть потом? Я плохо понимаю, что ты задумал, но считаю – поступаешь неразумно. Тебе не жалко, что меня отдадут другому?

– Не раньше, чем я избавлю этот свет от себя любимого – а потом уж все равно. Зато ты отдохнешь в козырном месте – в люксе, может быть, или первом классе. Для тебя ж стараюсь, дурочка! А то попадет шлея под хвост, иль бес в ребро – такое гульбище учиню на старости лет, что полетишь ты кувырком в Тартарары на кипящую маргарином сковородку.

Душа покачала головой.

– И все-таки ты совершил ошибку. Разве мы плохо жили с тобой?

– Не увлажняй пространство и так сыро.

Тут смотрящий за Чистилищем мне жестом – прочь, мол, пошел.

Не обращая на него внимания, шепнул душе:

– Плохо будет, беги отсюда иль знать дай – я за тобой вернусь.

Душа еле слышно вздохнула и украдкой слезу смахнула.

– Отсюда, надо думать, не сбежишь. Приходи, если сможешь, на свиданку – хоть иногда будем общаться.

Я кивнул и потрепал бедолагу по плечу, потом повернулся к смотрящему:

– Могу навещать ее?

– Здесь хороший уход: трехразовое питание, каждый день прогулки на свежем воздухе – тебе не о чем беспокоиться.

Беспокойство за сердце тут же схватило:

– Э, ты чего говоришь? Здесь же рай, а не тюрьма!

Но слов моих никто не слышал – ибо проснулся я. Как водится, в поту холодном.

Что к чему?

Нет, ну а, правда – как там, за Вратами все организовано? Кто умер в старости, так и ходит беззубым и лысым? Или утопленники – синие, с вздутыми животами и отъеденными раками ушами? А те, кого убили на войне – без рук, без ног, без головы? Жуткое, совсем не для рая зрелище! Моя душа, слава Богу, еще ничего – должна бабам нравиться....

На самом деле, верующие говорят: душа – бесполоя, безлика... просто субстанция такая, хоть и была когда-то частицей живого существа, сиречь человека. И зачем такой рай? Может ли она заценить понятие «райское наслаждение»? Мы-то, живые и грешные как это понимаем? Закатив глаза: «райское наслаждение!» – о вкусной еде, ласках женщины, глотке холодной воды в сухую знойную погоду....

А существует ли вообще душа человеческая? И если да, то конечна она или бесконечна? Исчезает она с нашей смертью или таки переживает плоть и как-то существует дальше? Может, в другой оболочке?

Ответов на эти вопросы у меня нет. Я лишь знаю наверняка, что у меня есть сознание и подсознание – как два полушария мозга. Сознание оценивает внешний мир, мои возможности и принимает решение по обстоятельствам. Подсознание оценивает деятельность его и критикует (чаще всего). Вот так и живу в постоянной зависимости от согласия или вражды двух этих начал самого себя. И замечаю – двойная зависимость не только причина психического дискомфорта, но и физических хворей, в совокупности разрушающих мое драгоценное здоровье. А примирить их волей настолько ж пустое занятие, как, допустим, мелочь на ощупь пересчитать в обоих карманах сразу.

Если и у всех такое, то не эти ль два начала породили и питают веру в Добро и Зло, Бога и Дьявола?

Кто я? где я? и зачем? Отними у человека возможность отвечать на эти вопросы, и в нем ничего не останется кроме страха и веры в потустороннюю силу.

Но давай разложим все по полочкам.

Тело у нас от обезьяны – тут с Дарвином не поспоришь. Ум – тоже продукт эволюции. Но бытует мнение – если даже достаточно мозгов, то без души интеллект субъекта на уровне дрозофилы.

Ты когда-нибудь представлял себя животным? Я, к примеру, слишком люблю одиночество, чтобы рыскать в стае волчьей. Хотел бы стать водоплавающим лебедем и поселиться на озере Подборном. И это не из «Гадкого утенка» Андерсена, а из Знака Земли о выходе Животворящих Сил – из символа Пятиозерья. Я чувствую, здесь мое место – во всем целом мире одно-разъединственное.

Красиво? А ты как хотел!

Итак, тело лебедя, душа от Бога.... Разум? А на черта он мне? Не зря в старину говорили: «Если хочешь увидеть, как Создатель смеется, запланируй что-нибудь». В современной интертрепации – стоит только... просвистеть. Так что не нужны мозги – живем не планоно, а как придется: инстинктами, птичьими законами, велением Божьим, то бишь Обстоятельствами.

Вобщем все здорово – вода, солнце, сам весь в перьях. Одно лишь плохо – не почувствуешь греховность свою. А ведь без этого не будет и полноты ощущения в себе праведника. Жизнь наша так устроена, на контрастах – вкус еды познается после голода, любовь после разлуки, счастье вслед за бедой....

Стоп-стоп-стоп, не здесь ли собака-то покопалась?

Тебе известно, что у подлости особый вкус? Приторный, горький и всегда разочаровывающий – ну, будто редька в шоколаде. Только не уму это определить. Они ведь как устроены, наши мозги – что в рот пролезло, то и полезно. И на мир смотрят с точки зрения простого удобства.

Совість – есть такая нравственная категория – сортирует наши поступки на порядочные и не очень. Она и судья наш, и палач; она дает возможность посмеяться над собой – ведь так? Она решает, какое качество жизни кому приличествует по принципу: не тот дурак, кто дурак, а тот дурак, кто не дурак, да дурак!

Не понятно? Да и мне тоже.

Чье дитя совесть наша – ума или души?

Возможно это вопрос теологический, ибо тут сталкиваемся с проблемой детерминизма – определяется ли наше поведение свыше, или каждый свой шаг мы делаем самостоятельно? По-другому – своим ли разумом организуем жизнь или волею Обстоятельств? Кто автор этих Обстоятельств – Высшая Сила или Броунское движение нас самих в земном пространстве? Откуда берутся вещие сны? Кто придумал интуицию? И почему я – это я, а не Петров-Сидоров-Иванов? Может, душа, дарованная Свыше, и делает меня разьединственным в огромном мире и чем-то отличает от других?

По складу характера, я собственник-реалист: мне не надо чужого – то есть к черту проблемы все мировые, но я обязательно должен знать, что там внутри меня, откуда и для чего? И что от себя самого следует ожидать? Прежде, чем лишиться реальности непонятное, стоит еще и еще раз напрячь мозги. Мне кажется достойной в жизни цель – выстроить порядок из хаоса внутри себя.

– Поиск правды приводит к оправданной лжи.

Беспорядок мудрей иногда, чем порядок.

Смерть – единственный способ обжаловать жизнь.

Счастье – приторно. Трезвый покой – в меру сладок.

Бескорыстия нет – в каждом скрыт эгоист.

Отвращение к истине – выродка признак.

Люди – кисти, мир – краски, душа – чистый лист.

Отрицание смысла – венец атеизма.

Одиночество – плод размышлений шальных.

Человек – не животное. Нет! Паразит...

Лишь больной может видеть повсюду больных.

Цель конечная – смерть. Жизнь – всего лишь транзит.

Беспричинная грусть – эхо небытия.

Бог крадет наши мысли в ночи – словно тать...

Ненормальный кричит: «Все, что есть – это я!»

Став Собой, Человек научился страдать...

Умный ищет ответы, а мудрый – покой.

В глубине наших душ – бессознательный страх.

Небо дышит избитой смертельной тоской.

Наша вера сгорела в церковных кострах...

Ни намек на связь нету в этих словах...

Даже чистое золото тонет в грязи.

Люди в грезах своих – ходят на головах.

То, что издали видно, не видно вблизи.

В паутине познания сомненье – паук.

Все закончится благополучно...

Не у каждого – свой мир внутри и вокруг.
Беспорядок не может быть скучным!!!

(М. Картышов)

Вот уж где голову легко сломать – нагорожено! Но стоит подумать.

Тургенев бы это назвал глубоким разочарованием души, Достоевский – бредом сумасшедшего, а сам автор – «Система хаоса».

Для человеческой мысли нет преград во Времени или Пространстве. Мысль может в один миг охватить все на свете – даже пережить Вечность. Однако, выбрав неверный путь, она попадает в Бесконечность, не имеющую результата. Тоже, наверное, игра Обстоятельств?

Как тебе такая версия?

Окружающий мир – абсолютно реален, но душа, данная Высшей Силой, рисует из него фантастические картины субъективного восприятия. И потому одним он кажется прекрасным, другим убогим, третьим безжалостно-жестоким. . . . Ну, и так далее. Тут все дело в личном восприятии. Отсюда и реакция на Обстоятельства, и мерило нравственности поступков (в обиходе – совесть).

Как понять характер человеческой мысли? Что его определяет?

Я ведь запросто мог родиться в каком-нибудь городке пыльного Техаса – корячиться день-деньской на долбанной автомойке и вечерами пропивать заработанное в прокуренном салуне. И хоть в карманах, как в башке, сплошь прорехи, а предел мечтаний кредитная карточка, надувался б гордостью, что я американец, то есть исключительный парень – куда до меня остальному миру?

Будь сценаристом, сочинил бы для своей версии америкэн-боя замечательный сериал с рабочим названием «Приключения янки в поисках души». Смысл идеи: когда находишь ее (душу то есть), теряешь покой; когда распростишься с ней – спокойно живешь, попивая текилу.

Представь, сон про душу имел продолжение.

Явилась как-то ночной порой, села у кровати и вопрошает:

– Ну, как ты тут жил без меня?

Моя радостная улыбка должна была засвидетельствовать: ничто не может стереть страниц, написанных вместе – несказанно рад, мол, встрече с тобой! Только в словах не хватило мажора.

– Так себе – ни зла, ни добра много не сделал. Ты вернулась, сбежав?

– Понял, наконец, от чего отказался? От сути своей. Человек, который не знает, кто он – не человек, а ходячий мираж. И ради чего жить такому?

– Для тебя ж старался!

– Сделал доброе дело! – усмехнулась душа. – Тоже мне, страховой агент Деточкин.

– А ты поняла там, рядом с Богом, кто из нас курица, а кто яйцо – ты меня сделала мною или я тебя вот такой?

– Ты о чем сейчас, в свой последний час?

– Хорошая тема! – я изумился. – Ты пришла напугать?

– Пришла сказать, что другому теперь меня отдают, а твой жизненный срок, увы, истек.

– Потрясающе!

Удивительное спокойствие от наступающего собственного конца света овладело сознанием. Настал, стало быть, мой черед. Бессмертие, конечно же, подозревалось, но всерьез не ожидалось – сказка про волшебника Изумрудного города и та правдоподобнее.

Я потерял лоб и задумался. Состоялась ли жизнь моя? Если засесть за мемуары, на добрый десяток романов событий, пожалуй, хватит. Но все ли я понял, над чем ломал голову? Ответил ли на главный вопрос – тварь я дрожащая или право имею?

В молодости думал, что обязательно стану знаменитым – в политике, в бизнесе, в ратных делах... Да мало ли где, но обязательно лучшим из всех. И женщины все в мечтах эротических – наипервейшие раскрасавицы. Зло наказывал, защищая Трою от свирепых данайцев, изгоняя бледнолицых, алчущих золота в Новом Свете – не было пределов фантазиям. И везде, и во всем у меня абгемахт, ибо знал ошибки предшественников, у которых не получилось.

Свою жизнь писал с чистого листа и в результате имею не то, что хотелось.

Но себя ли винить? Завиню Обстоятельства. А они от кого? Так и не понял – стало быть... Как говорят в интервью западным СМИ наши сбитые летчики, попавшие в плен: «Учите, братцы, магчасть – ох, и бьют больно!». Нелепость, достигшая совершенства – не засесть ли за библию? Только поздно теперь...

– Ну, ладно, пора, – говорит мне душа. – Не могу представить, что мы больше уже не увидимся. Даже не знаю, что сказать напоследок – ничего подходящего в голову не приходит. Ты мне, признаться, нравился, хоть и мнил о себе несусветно. Прощай...

Чернота ночи проглотила ее, как крокодил зазевавшуюся лысуху.

Мой сон плавно перешел в явь. Проснулся с мыслью, что еще не готов покинуть мир этот – не чувствую усталости сознания, каких-то неизлечимых болезней в теле. Мне не за что ненавидеть жизнь. Поезд, под который захочется броситься, еще не набрал оборотов. А если появится вдруг и сейчас, я просто на него сяду и поеду жить дальше. Ведь, кажется, только только нашел свою точку равновесия.

Но, Боже, как прекрасна жизнь, когда она уходит!

Даже такая. Было все у меня – нищета и достаток. Находки, и потери. И разочарования. И бесценные приобретения – в прямом и переносном смысле. Все было кроме скуки. Совсем нескучной была моя жизнь. Считаю без пафоса: для счастья нужно совсем немного – оптимизм рассудка и чуток фантазии в голове.

Говорят, человеку удастся либо первая половина жизни, либо вторая. А мне грех на что-то жаловаться – детство прошло замечательно, а юность романтично. И второй доволен вполне: хватает ума не упрекать судьбу.

Решить бы последнюю проблему – как же быть с верой?

Может, ты посоветуешь? Может, совок проклятый сидит во мне, и душит надежды на встречу с Богом? Может, ментальность ущербная такая – присягнул одной вере, так на всю жизнь? Или этот вопрос из разряда умственных парадоксов и клинической дебильности – взялся вроде бы наставлять, а сам совета прошу? Любой конформизм удобен в отношениях отца и сына, пока он не доходит до абсурда, то есть до своей противоположности. Почти по Некрасову напрашивается твой ответ: «Тебя, слышь ты, клинит, а мне-то к чему?»

Но вернемся к простому мирскому.

Не случись Перестройки и последующих событий, я, может быть, до сих пор с увлечением строил коммунизм и не заморачивался по поводу существования Отца Небесного. Прежние партайгеноссе теперь в КПРФ – не все, конечно, но есть. Обижаются – что же ты перекрасился? В уши дуют – мы-то еще о-го-го! мы всколыхнем народ!

Да где там! Обратного хода жизнь не дает. Хотя печаль по советскому строю уютная и бесстрессовая: вся страна в затыжном прыжке в светлое будущее напивалась, блевала и чувствовала себя счастливой. О Боге тогда и не думалось, о верующих снисходительно – чем бы дитя не тешилось.

Потом КПСС объявили вне закона и наступили жуткие времена в России – все торговали: бабки с лотка, кооперативные ларьки на каждом углу; толпы бандитов, грабящих все, что движется; появились бомжи и нищие. Все кидали всех – слово «порядочность» вызывало гомерический хохот. Гадко было смотреть на приватизацию – когда хитрованы растаскивали по карманам то, что строили миром.

От этого ехала крыша. Общественные отношения и сознание людей стремительно мутировали. И до меня, наконец, дошло – коммунизма не будет.

Верить кому? Верить во что?

Ясно было одно – дальше так продолжаться не может: нельзя ненавидеть все на свете, где-то надо искать отдушину. Однако жизнь наша так устроена: кто бы какими путями ни шел, каждый в конце получает свое – Бога, богатство, самого себя; кто-то в бомжи подался, кем-то кладбище омолодили.

Новая тенденция появилась в духовности – раньше в церковь шли, хоть и с оглядкой на общественное мнение, но с чистыми помыслами; теперь – по уши извалявшись в грязи, испробовав все страсти (сиречь грехи) смертные. Зачем? Неужто душу грешную пристроить надеются? Что-то не верится в раскаяние. Как от таких прихожан попы не изошли испариной? Наверное, желтый дьявол промокал им тонзуру. Впрочем, не цепляйся к слову, блеснув эрудицией: тонзуру православные попики, знаю, не имут.

Однако следует отдать им должное – падение КПСС не приветствовал колокольный звон: церковь оказалась выше мелкой радости над лютым поверженным врагом. И это было главным, что подвинуло меня к религии: благородство – высшее из качеств человечности. Чувствовал тогда – если б не был партийным, стал бы прихожанином, и не важно, что веры нет в Царя Небесного: вдруг бы себя убедил потом.

А пока не представлю – как быть утешенным в церкви? И жизнь никогда не сводила с людьми, достойными доверия и испытавшими такое.

Как быть запуганным, могу представить. Сказать, что по сравнению с Адом Освенцим – парижский Диснейленд. Страх, наверное – единственное искреннее чувство верующих. Хотя не берусь утверждать наверняка.

Толпа растерянных и беззащитных, охваченная бредом – боюсь и верую! – вот что тормозит на пороге храма. Если втиснутся меж них, страх, может быть, растворится, а может, душу приберет к рукам – как знать?

Вот ты скажи: когда-нибудь возникало желание перекреститься – поблагодарить Бога, что избежал неких неприятных обстоятельств? Скажем, так: «Пронесло, слава те, Господи!» или «Уберегла, Царица Небесная!» или «Тьфу! Тьфу! Тьфу!» через левое плечо. И опять же троеперстием от чела. Если да, то ни что не ново под луной – у меня сто тысяч раз такое было. Это синдром неверующего: пофартило – и слава Богу!

Представь, каково верующему: молится-молится, бьет поклоны, а ему – бац! – и неудачей по морде. Как тут с претензиями не наехать на канцелярию небесную – вы куда там, мать вашу так, смотрите!?

Ходить в церковь и как бы верить ни тебе, ни мне не приемлемо. Но и любви взасос к Всевышнему вряд ли стоит ожидать – хоть до дыр библию зачитай. Тогда что? Как же приобщиться нам с тобой к великой православной культуре, к наследию наших предков?

Предлагаю такое.

Пусть будет Бог! Не на небеси рабовладельцем, не строгим судьей, с икон взирающим. Пусть будет Он в душе – советчиком и совестью со всеми заповедями. И покреститься надо нам – пусть будет это антураж, дань моде, ну а по мне: дань памяти нашим предкам.

Поверь мне сейчас на слово, и у тебя впереди будет целая жизнь на осмысление: прав я сейчас или таки заблуждаюсь. Было бы обидно в складки савана заворачивать итоги мозгодробительных умозаключений. Мозгодробительных – в смысле, до головной боли.

Впрочем, не место о хворях здесь: здесь нет места хворям – ведь мы сейчас с тобой в краю Пятиозерья! Да за бокалом вина – твое здоровье!

Когда сам не плох Бог-то Бог, да сам не будь плох

(Народная пословица)

Бытует такое: «Если вы проснулись, и у вас ничего не болит, значит, вы умерли». Или от обратного – вы живете, стало быть, обязаны болеть.

Так много видим мы забот,
Когда нас лихорадка бьет,
Когда подагра нас грызет
Иль резь в желудке....

(Р. Бернс)

Еще несколько лет назад я и представить себе не мог, что буду размышлять и разговаривать о здоровье, как о чем-то первостепенном. Теперь достиг такого возраста, когда нормальный средневзвешенный человек выходит на пенсию и интересуется исключительно самочувствием. А про меня давно знакомые судачат: «сбрэндил» – ведь не контролирую ежедневно давление с пульсом, не сдаю анализы по понедельникам; припомнить даже не могу, когда последний раз своим желанием посещал поликлинику, будто до нее семь суток на оленях.

Дело вовсе не в богатырском здоровье или наплевательском отношении к своему организму: сколько себя помню, ломал голову над темой долголетия – хотел изобрести такой порядок вещей, при котором здоровью наносится минимальный ущерб.

И, знаешь, до чего-то додумался?

Сейчас кому только не лень с улыбкою, от которой хочется плакать навзрыд, нас поучают жить – что есть и пить, какому лекарю поклоны бить, когда и с кем ложиться спать, когда вставать и как дышать, когда мочу и кал сдавать, во сколько клизму принимать...

Пускай их бесы бороной
В аду щекочут!...

(Р. Бернс)

Живу ведь я – моя очередь небо коптить, и руководствоваться наставлениями, позволять кому-то за меня решать, как жить, не вижу смысла абсолютно. Прочитал множество книг, немало советов слышал в жизни и с экрана, но, руководствуясь карлмарксовым «подвергай сомнению все», решил – мой собственный организм лучше всех докторов знает, что ему надо: недужится – отлежись. Словом, загнобить себя я не позволю никому.

Всегда жила со мной беда —

Неурожай, недуг, нужда,

Позор неправого суда,

Долги, убытки...

Но не терпел я никогда

Подобной пытки!

(Р. Бернс)

Много думал, как жизнь свою организовать. Много примеров известных сравнивал – от Данко Горького до пескаря Салтыкова-Щедрина. Сгореть в погоне за мечтой «стань богатым (знаменитым?) или загнишь в попытках», а может побережешься – в чем истинная мудрость? Наверно, посередке. Тайна сия велика есть, и очень мне ее постичь хотелось.

Богатство, слава, долголетье совместимы ли? Ведь говорят – хочешь жить без забот и долго, не имей подчиненных. Потому что так всегда бывает – едва достиг чего-нибудь,

и тут дефолт, наводнение с землетрясением, финансовый кризис. Пережил – так от безносой не уберешься! В общем, вся жисть – война и немцы окружили.

И я уверен, что в аду,
Куда по высшему суду
Я непременно попаду
(В том нет сомнений!),
Ты будешь первою в ряду
Моих мучений.
(Р. Бернс)

Представь нюанс: лежит какой-нибудь рокфеллер в кровати штучной работы, хрипит вздохи последние, а за окном вшивый бомжара выпрашивает корку хлеба – и кто кому завидует? Если к тому же они ровесники – кто победитель в гонке жизней? Годы ушли на то, чтобы понять, чтоб во всем разобраться – ведь человеческая глупость бесконечна.

Только, пожалуйста, не думай, будто пытаюсь сейчас навязать тебе свое мнение – внимая, все подвергай сомнению. Такое, например – вот говорят: «Чистота – залог здоровья» или «Дизентерия – болезнь грязных рук». Трудно поспорить, но... Почему щепотку микробов из-под ногтей нельзя признать прививкой от заразы? Видел, каким кумачом пылают щеки сельских ребятишек? Солнце, воздух и вода, скажешь, лучшие в деревне доктора? Но... и нестерильность рук тоже идет на пользу. Парадокс!

Бойтесь своих желаний, ибо они имеют свойство исполняться – кто сказал? Не помню. Но сказал таки очень верно. У каждого в жизни рано или поздно возникает вопрос: а нужны ли – богатство, слава, женщины и вообще...? Не лучше пригоршню лишнюю здоровья приберечь на черный день или годика два жизни у безносой скоμμуниздить? Дожив до определенного возраста, каждый лбом упирается в одну проблему – силы ушли, остались хвори с болями. Так уж устроена наша жизнь – не жизнь, а прямо таки борьба вооруженных сил добра с войсками разума. Кажется, в философии это называют законом «отрицание отрицания» – человек рождается, чтобы умереть.

Когда это случилось со мной, я сначала не поверил даже, думал – вот-вот и пройдет: начнется процесс омолаживания организма, надо только правильно организовать свою жизнь. Организовывал-организовывал – бросил пить, курить, начал бегом заниматься – а организм слабеет все, а хвори, как монголы, идут на приступ. Силы уходили, и ничего с этим я не мог сделать: ни физзарядка по утрам, ни бег трусцой не приносили никакого результата. Чаще стали посещать тревога и неуверенность в себе. Сознание наполнилось непривычной тоской подавленного бессилия – даже появилось желание втягивать голову в плечи и виновато прятать взгляд.

Вот он каков, старческий синдром!

Кто-то в ситуации такой в религию уходит с головой – «очки втирает» Святой Троице и говорит, что помогает: легче становится душе. Но я никогда не считал «Библию» неоспоримой книгой и ринулся в борьбу за тело – даже молил Зевса шандарахнуть молнией в меня, и, может быть, тогда... Известны ж случаи.

Но предками заложенная в генах слепая вера в справедливость требовала Божества. И я нашел его: мой Бог – Природа! Я ею создан, в ней живу и растворюсь, когда придет мой срок – ведь каждому заслуга по делам его.

Осталось только мне бессмертную пристроить. А вот с этим начались проблемы. У верующих как – есть ты, есть Бог, налажено общение: ты согрешил-покаялся, а он простил. А как же быть, если Божество в тебе и все вокруг – что, совсем-таки и не грешить? Но не грешить, значит не жить. Нашел компромисс – поскольку Бог во мне, нарушаю заповеди не своею волей: есть на кого свалить. И понеслась душа по кочкам в ад....

Стало легче, и пришла мысль – из тех, что непременно хочется озвучить: вся проблема в выборе. Всего достичь нельзя – легче догнать собственный плевок. Лично я выбираю здоровье здесь и сейчас – к черту рай на небесах и честолюбие земное: хватило дури маяться вполне, завет отца в жизнь претворяя – «в шестьдесят лет денег нет, их и не будет». Все это было для меня вчера. И ступень, на которой остались те мечты, благополучно пройдена: не вышел из меня богач, но стал мудрее и выбираю жизнь!

Да совокупятся все, имеющие влечение!

То, что мне сейчас почти шестьдесят, значит только то, что я уже намного пережил Христа – какая-то часть жизни закончилась, а какой будет следующая, пока не ясно. Я не стану рыдать по этому поводу или делать вид, что впереди еще о-го-го...! Сколько получится – столько и будет стоять в графе биографии «Годы жизни». Расстраиваться из-за этого глупо. Пытаться вернуть себе энергию и устремления четверть вековой давности бессмысленно. Тогда жил одними заботами, теперь другие на повестке. То, что раньше доставляло удовольствие, иначе как экстрим сейчас не назовешь. С физиологической точки зрения пожилой человек не может расходовать такое же количество энергии, как молодой – его сердце не справится с нагрузкой. Теперь без суеты хочется жить, спокойным, как пульс покойника, и находить приятное в полезном – неспешных наблюдениях и размышлениях. Вот о таком, к примеру....

Третий десяток холостую, и кто-то, видимо, найдет в этом ущербность – мол, для себя жить не имеет смысла. Ну, смысла жизни никогда я не терял и свиньей себя особой не считал. А вот жить для кого-то или за счет кого-то – это вопрос.

Лопни мои глаза, говаривал известный искатель сокровищ Джордж Мерри (помнишь такого?) в пикантных ситуациях – и это звучало! Так вот, лопни мои глаза, если кто-то что-то для кого-то делает без корысти. Все отношения между людьми в семье или обществе замешены на интересе. И не маши руками – придет время, сам это поймешь. Другое дело – каков интерес. Вот за что, к примеру, я люблю тебя и твоих дочек? Как продолжение самого себя. Как свою заявку на бессмертие. This is understandable?

Теперь, отдав долги все Обществу с Природой, могу пожить я для себя, никого не напрягая и не ложась ни под кого? Невозможно, скажешь? Скажу – трудно, но вполне. Трудности в обществе и на производстве, а дома, наедине с компьютером, какие могут быть ужимки – живи, не хочу. И не лукавь – дешевле будет! Ведь совсем немногие живут так, как хотят. Большинство – как по судьбе получится. А я занимаюсь любимым делом и считаю себя вполне счастливым человеком. Жаль поздновато ко мне пришли эти увлечение и убеждение. Впрочем, про счастье есть такие мысли: счастливый человек – это ребенок в любом возрасте! Дальше пойду и нагло заявлю – хочешь мудро жизнь прожить? спроси меня как!

Идеи в воздухе кружат. Крутой (воспользуюсь твоим сленгом) не тот, кто придумает что-то новое – ничего нового в науке о здоровье никому уже, наверное, не открыть. Крутой тот, кто поймет, что необходимо его собственному организму для долгой и успешной жизнедеятельности. Кто наберется смелости сказать – ищи в себе и ты обрящешь.

Надеюсь, тоже understandable?

Я вдруг подумал – каким ты будешь в мои годы, если поймешь это сейчас? Не могу представить без улыбки – наверное, жизнерадостным старичком с энергией подростка? Когда точно знаешь, что все кончается на свете, и самая свежая новость скоро станет ретро, ничего не остается, как только радоваться жизни – такой, какая она есть. Представь, завидую – я шел к этим вещам мучительно долго.

Иногда ночью иду в туалет, случайно вижу отражение в зеркале и пугаюсь: что за тип в гостях – седовласый, с подержанным рылом? Мне трудно узнавать его: в душе-то чувствую себя совсем другим. Окружающие смотрят на меня как на пенсионера, обращаются: «Слу-

шай, дед...», а мне обидно – сам ты дед сто лет в обед! У меня подружка совсем молодая, невозможно красивая и... ненасытная. А я еще чувствую, что нужен ей.

У тебя другой возраст и другие заботы.

Когда догоняешь годами Иисуса Христа, просто не можешь не гореть: вся твоя суть – бесконечный адреналин открытий, головокружительный подъем к мечте. Если этого нет, может появиться ощущение, что жизнь, не задавшись, кончилась. Будто ничего стоящего впереди не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.